

МОЙ МНОГОЛИКИЙ НЕЗНАКОМЕЦ...

...Нам нравятся авторы, мысли которых совпадают с нашими, мироощущение которых близко нам. Таким автором для меня является Михаил Алексеев. Писатель любит своих героев, чувству-

БЫВАЮТ моменты, когда испытываю жгучую зависть к своим книгам, а точнее сказать — к героям этих книг. В сравнительно короткое время они смогут побывать там, где я не побывал бы и в том случае, ежели б природа-матушка расщедрилась и отпустила мне сроку на добрую сотню жизней.

Единственным утешением может быть только мысль, что созданные тобою персонажи, все эти вымышленные и невымышленные герои встретятся с немислимо великим числом незнакомых тебе людей и постараются сообщить им то, что волнует, радует, тревожит и заботит их автора.

Мой читатель...

Кто он?

Это опять же великое смешение возрастов, умов, профессий. Он многолик и по этой причине ненасытен: его интересует решительно все на свете. Он, в отличие, скажем, от некоторых критиков, не делит писателей на «военных», «деревенщиков», «рабочих», «интеллектуалов» и «неинтеллектуалов», — читателя, как я догадываюсь, интересует книга как таковая. Он берет ее в руки, открывает — в свободный, разумеется, час — и начинает читать, не ведая, что с этой минуты начинает одновременно вершить суд над ее создателем. Мне лично дорог именно этот судья, поскольку мы с ним ни капельки не знакомы: тут уж

ет их каждое душевное движение... Хотелось бы знать: а как воспринимает он нас, читателей?

Л. СИДОРОВА,
инженер-строитель

ИРКУТСК

полная гарантия на объективность.

Читательские письма.

Они дороги мне, как и каждому автору. Они, конечно, многое говорят мне. Но и переоценивать их значение едва ли стоит. О прочитанной книге тебе сообщит один лишь из тысяч, а то и миллионов твоих читателей. Абсолютному же большинству и в голову не придет поделиться с автором впечатлениями от прочитанного. Человек либо постесняется это сделать, либо не найдет для этого времени.

От кого же ты в конце концов узнаешь, что твоё детище стоит? Библиотеки? Да, они в немалой степени помогут, поскольку постоянно и непосредственно общаются с читающим людом. Но главное — это молва. Я назвал бы ее народной молвой. Худая или хорошая, она с быстротой молнии несется по земле, никем и ничем не останавливаемая. Бывает, впрочем, что такую волну вызывают искусственно, на ее гребень поднимаются ценности сомнительного достоинства. Однако вызванная таким образом «волна» эта быстро угасает, умолкает смущенно.

Многоликий незнакомец, живущий в разных концах моего обширного Отечества, — вот кто мне дорог до сердцебиения, его присговоря приемлю всецело и безоговорочно, ибо ему-то и служим все мы, пишущие, своими строчками.

Лист. 209,
1979, 1 янв.